

Ольга Баринова

Секрет Глоизы

Ольга Барина

Секрет Элоиз

<https://litres.ru/74400062>

Аннотация

Лондонский адвокат Анна Лоран привыкла решать чужие наследственные споры, но однажды сама оказывается наследницей старинного нормандского замка Шато де Монтрей.

Но замок — не подарок судьбы, а ловушка, полная теней прошлого. Там, среди старинных зеркал и скрипучих коридоров, оживает история женщины, которую семья объявила умершей и пыталась стереть из памяти нескольких поколений.

Кто-то готов пойти на все, чтобы эта история не всплыла. В замке по ночам раздается плач и стоны, а в отражениях появляется та, кого не может быть.

Пока муж Анны пытается отнять у неё всё, а таинственный незнакомец с той же фамилией, что и пропавший наследник, явно что-то скрывает, Анна погружается в семейное прошлое.

Любовь и предательство, тайный брак и ребёнок, которого не должно было существовать. Но в этом доме ничего не происходит случайно.

“СЕКРЕТЫ ЭЛОИЗ” - остросюжетный роман, где каждый шаг приближает к разгадке, а каждое зеркало хранит не отражение, а приговор.

Книга пишется в рамках литмоба Семейные тайны

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	38
ГЛАВА 8	46
ГЛАВА 9	56
ГЛАВА 10	64
ГЛАВА 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ГЛАВА 1

В тот день, когда Анна Лоран узнала, что унаследовала настоящий замок в Нормандии, Лондон тонул в дожде.

Порывы ветра выворачивали зонты прохожих наизнанку и швыряли мокрые листья к стеклянным дверям юридической фирмы «Харпер, Уитмор и Блейк». Анна сидела в переговорной и смотрела, как капли ползут по окну, будто снаружи кто-то медленно царапает стекло.

Перед ней лежала папка с очередным наследственным спором. Две сестры, недавно умершая мать, три варианта завещания, четыре юриста и загородный дом, который ни одна из наследниц никогда по-настоящему не любила, но каждая считала своим по праву.

Анна знала подобные истории наизусть - менялись лишь фамилии. За двенадцать лет практики в наследственном праве она твердо усвоила: люди редко спорят из-за вещей. Они спорят из-за того, что эти вещи должны доказать.

Любили ли меня больше? Доверяли ли мне? Была ли я значима, или меня всю жизнь лишь терпели за общим столом?

- Миссис Лоран?

Анна подняла глаза. Напротив, так и не сняв элегантных кожаных перчаток, сидела пожилая женщина в дорогом пальто. Ее сестра - тонкая, натянутая как струна дама с без-

упречной седой укладкой - смотрела на Анну с таким выражением, словно уже вписывала ее имя в исковое заявление.

- Да, миссис Коллинз?

- Если моя мать указала мое имя, значит, она хотела, чтобы дом принадлежал мне.

- Так сказано в последнем завещании, - спокойно ответила Анна.

- В единственном настоящем завещании.

Ее сестра тихо рассмеялась.

Анна не повернула головы, но самоуверенный смешок про себя отметила.

- Настоящим, - произнесла она с нажимом, - будет признан тот документ, который суд сочтет составленным без давления, при ясном понимании последствий и с соблюдением установленной формы. Все остальное – лишь эмоции.

Миссис Коллинз побагровела.

- Для вас, юристов, все эмоции.

Анна закрыла папку.

- Нет. Просто эмоции редко совпадают с фактами.

В переговорной воцарилась тяжелая тишина. За панорамным окном с новой силой забарабанил косой дождь. Миссис Коллинз упрямо поджала губы, а ее сестра отвела взгляд.

Анна мысленно зафиксировала маленькую победу. Ей удалось вернуть разговор к документам, датам и подписям. К сухим фактам.

Хотя сухие факты тоже умели ранить....

Она вспомнила то сообщение на телефоне Джеймса.

Запах незнакомых духов на воротнике.

Бокал в раковине со следом помады, и такой Анна никогда не пользовалась...

Спустя сорок минут встреча наконец закончилась. Клиентки покинули офис порознь - так же, как и пришли. Анна собрала бумаги, передала папку младшему ассистенту и, на ходу продиктовав план дальнейших действий, скрылась в своем кабинете.

На двери висела табличка:

«Анна Лоран, старший юрист».

Она смотрела на нее каждый день и всегда думала одно и то же: еще немного. Еще один год, несколько успешных дел и безупречных отчетов - и под ее именем появится слово «партнер».

Это означало бы долю в фирме, статус и независимость. Нечто такое, чего нельзя лишиться из-за одного сообщения, случайно высветившегося на чужом телефоне.

Но теперь, после предательства Джеймса, все могло пойти прахом.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Вошел курьер с бланком для подписи и большим плотным конвертом.

Анна скользнула взглядом по тяжелой бумаге. В эпоху электронной почты настоящие письма выглядели почти вызывающе.

На конверте синими чернилами было выведено:

«Мадам Анне Лоран

«Харпер, Уитмор и Блейк»

Лондон».

Не миссис Лоран. Не миссис Уитмор-Лоран, как ее иногда привычке называли после свадьбы с Джеймсом.

Мадам.

Анна провела большим пальцем по шероховатому краю. На обратной стороне стояла печать нотариальной конторы в Руане.

«Мэтр Этьен Валькур, нотариус.

Франция».

Сердце на мгновение странно сжалось.

Анна родилась и выросла в Лондоне, но свободно говорила по-французски благодаря отцу и долгим летним каникулам у бабушки Колетт.

Франция в их семье никогда не была просто точкой на карте. Она напоминала старинный шкаф, запертый на ключ. Его открывали неохотно, словно боялись потревожить прошлое. Стоило приоткрыть створку, как наружу проникал запах лаванды, сухой пыли, старой кожи и бережно хранимых тайн.

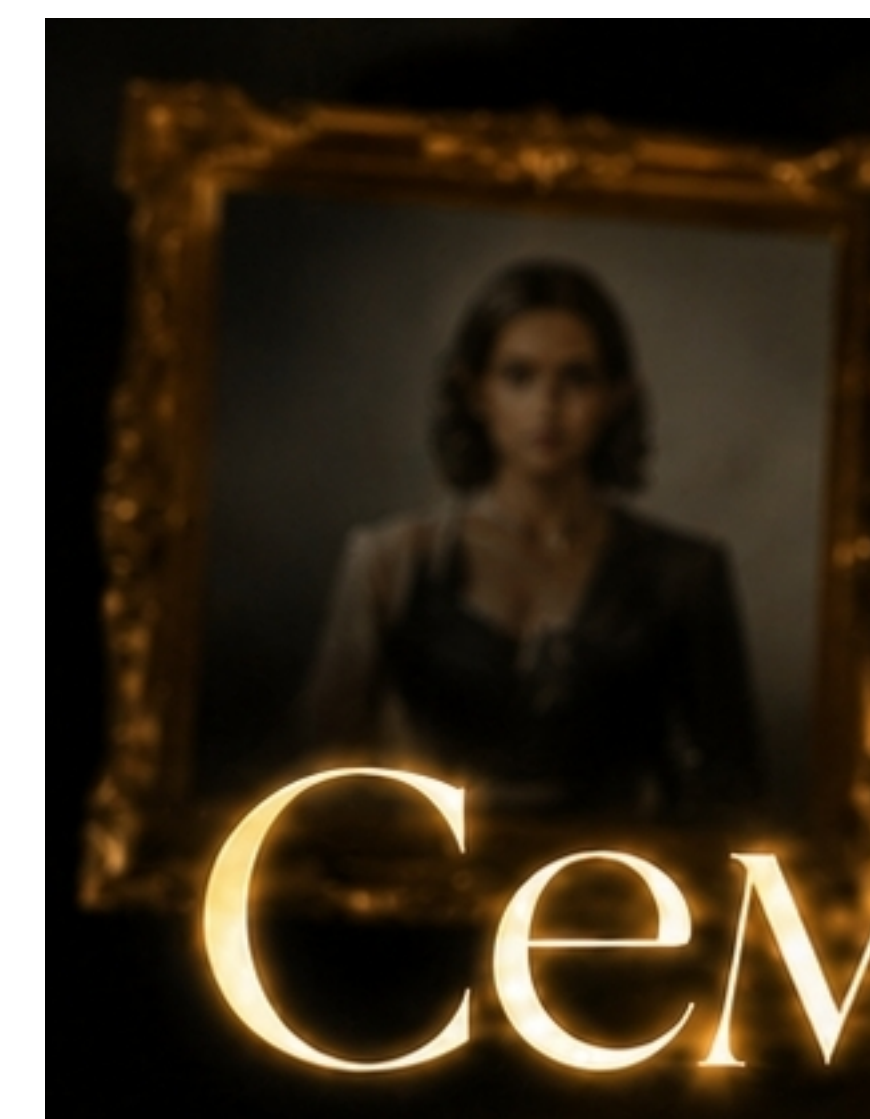
Анна достала нож для бумаг и вскрыла письмо.

Внутри лежали три листа: официальное уведомление, копия судебного решения и предварительная опись имущества.

Она начала читать стоя.

А затем медленно опустилась в кресло.

Дорогие друзья, книга пишется в рамках моба "Семейные тайны" https://litnet.com/shrt/KtC_

A woman with dark, wavy hair is shown from the chest up, wearing a dark, possibly black, dress. She is positioned within a large, ornate, golden frame that resembles a picture frame. The background is dark, and the lighting is soft, highlighting the woman's face and the frame. The overall mood is mysterious and elegant.

CeM

ГЛАВА 2

«Мадам, настоящим уведомляю Вас, что госпожа Элоиз Маргерит де Монтрей, родившаяся 12 апреля 1923 года, скончалась. Акт о смерти был официально зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния 5 августа 2026 года. Настоящее уведомление влечет за собой все предусмотренные законом правовые последствия, связанные с фактом смерти указанного лица.

В связи с открытием наследственного производства и обнаружением завещательного распоряжения от 5 сентября 1941 года Вы являетесь предполагаемой наследницей имущества, известного как Шато де Монтрей, как последняя известная наследница по линии вашей бабушки, в девичестве Колетт де Монтрей. В связи с отсутствием иных заявленных наследников дело рассматривается в упрощенном порядке, однако прошу Вас учесть: до истечения шестимесячного срока для принятия наследства возможны заявления от третьих лиц, чьи права не были учтены в архивных записях.

Окончательный объем Ваших прав подлежит установлению после изучения полного нотариального архива...»

Анна перечитала текст еще раз.

Элоиз.

Имя всплыло в памяти неожиданно ясно. Старшая сестра бабушки Колетт. Красавица, эксцентричная и своенрав-

ная, исчезнувшая много лет назад. Одни говорили, что она сбежала за границу. Другие - что связалась с неподходящим мужчиной. При первых же вопросах Колетт поджимала губы и замыкалась в ледяном молчании.

- Есть имена, моя дорогая, которые лучше не произносить вслух, - однажды сказала она маленькой Анне, поправляя золотую цепочку на шее.

В детстве эта фраза казалась красивой. Позже Анна поняла: взрослые обычно начинают что-то замалчивать не из благородства, а из страха или стыда.

Она вернулась к письму.

Главный усадебный дом. Восточное и западное крыло. Конюшни. Часовня. Лес. Пастбища. Два фермерских дома. Семейный архив, мебель, картины, серебро, библиотека и винный погреб.

Отдельным абзацем нотариус пояснял, что все эти годы имуществом управлял назначенный судом администратор. Доходов от аренды земли и лесных участков хватало на уплату налогов и минимальное содержание владения, но главное здание постепенно ветшало.

В тишине кабинета Анна тихо рассмеялась.

Женщина, которой последние месяцы приходилось делить с неверным мужем квартиру, совместные счета и расходы на адвокатов, только что узнала, что может получить замок во Франции.

Это было бы смешно, если бы не напоминало ловушку.

На экране телефона высветилось имя Джеймса.

Анна смотрела на звонок, пока тот не оборвался. Через несколько секунд пришло сообщение:

«Нам нужно поговорить. Не игнорируй меня. Это по поводу квартиры».

Она перевернула телефон экраном вниз.

Впереди был бракоразводный процесс. Общая жилплощадь, накопления и брачный договор, который Джеймс когда-то с улыбкой называл «памятником взаимному недоверию».

Наследство не становилось совместной собственностью автоматически, и Анна знала это лучше многих. Но она также знала, насколько изобретательными делаются супруги, когда узнают о внезапно появившемся состоянии. Джеймс мог попытаться учесть его при определении финансовых потребностей, оспорить дату фактического разрыва или добиться временных обеспечительных мер.

Анна закрыла глаза.

Перед ней снова возникла их залитая утренним солнцем кухня. Джеймс в белой рубашке, на ходу допивающий кофе. Его телефон на мраморной столешнице.

И сообщение от Лидии Моррис, старшего партнера их фирмы:

«Я скучаю по запаху твоей кожи».

Всего шесть слов - и их идеальный брак закончился.

Анна снова взяла письмо. Внизу стояла приписка от руки: «В связи с особенностями дела и наличием неполной архивной записи настоятельно рекомендую Вам прибыть лично. Некоторые обстоятельства не следует обсуждать в переписке».

Она подошла к окну.

Мокрый Лондон продолжал жить своей жизнью, словно ее только что не позвали в чужое прошлое.

Анна набрала номер тетки. Клер Лоран ответила на пятом гудке.

- Анна? Что-то случилось?

У тети всегда был такой голос, будто дурные вести уже стояли у нее на пороге, и оставалось лишь выяснить, какие именно постучали сегодня.

- Мне пришло письмо от нотариуса из Руана.

В трубке повисло молчание. Ни встречного вопроса, ни удивления.

Анна выпрямилась.

- Тетя?

- Из Руана? - переспросила Клер слишком ровным голосом.

- Да. Пишет мэтр Этьен Валькур. Речь идет об Элоиз де Монтрей.

На том конце раздалось короткое звяканье, будто чашка ударилась о блюдце.

- Понятно, - произнесла Клер.

- Понятно? И это вся твоя реакция?

- Анна, я сейчас не дома. Давай поговорим вечером.

- Нет. В письме сказано, что Элоиз умерла, и я являюсь предполагаемой наследницей Шато де Монтрей. Скажи прямо: ты знала?

- Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

- Тогда почему ты не удивлена?

Клер медленно вдохнула.

- Потому что в нашей семье все рано или поздно возвращается к Монтрею.

- Что это значит?

- Тебе не следует ехать туда одной.

- Значит, я должна ехать?

- Я не это сказала.

- А что ты сказала?

- Что тебе не следует ехать одной.

По спине Анны прошел холодок.

- Что произошло в том доме?

- Ничего, что могло бы помочь тебе сейчас.

- Это не ответ.

- Это единственный ответ, который я могу дать.

Анна сжала переносицу.

- Я адвокат по наследственным делам. Мне предлагают имущество, о котором я ничего не знаю. Нотариус упомина-

ет неполный архив, а ты говоришь так, будто я собираюсь вскрывать чумной склеп. Давай еще раз. Кто такая Элоиз?

Клер долго молчала.

- Старшая сестра твоей бабушки.
- Почему Колетт запрещала произносить ее имя?
- Не Колетт запрещала... Запретил их отец.

В Анне окончательно проснулся въедливый, хладнокровный юрист. Запреты, заговор молчания, исчезновение и заведение, всплывшее спустя много лет.

- Что Элоиз натворила?
- Возможно, ничего.
- Тетя...

- Послушай меня внимательно. Если поедешь в Нормандию, не верь никому, кто заявит, будто действует ради защиты доброго имени семьи.

- Включая тебя?

На том конце снова стало тихо.

- Возможно, включая меня.

Анна сильнее сжала телефон.

- Что ты скрываешь?
- Не я одна.
- Клер...

- Пообещай мне одну вещь. Не принимай никаких решений о продаже, пока сама не увидишь зеркальную галерею.

- Какую еще галерею?

Но в трубке уже звучали короткие гудки.

ГЛАВА 3

Анна почти рассердилась на себя за то, что сердце заби-лось быстрее.

Старые дома всегда обрастали суевериями. В своей прак-тике она встречала людей, которые отказывались продавать квартиры, потому что «там живет дух дедушки» и судились из-за часов, якобы приносивших удачу.

Страх и суеверия заставлял людей придавать вещам силу, которой у тех никогда не было.

Телефон снова завибрировал.

Звонила секретарь управляющего партнера.

- Анна, мистер Уитмор просит вас зайти.

В кабинете Генри Уитмора пахло кожей, кофе и властью. Сам Уитмор стоял у окна с чашкой эспрессо. Высокий, су-хой, седой, с улыбкой человека, давно научившегося сооб-щать неприятное так, будто делает подарок.

- Анна, садитесь.

Она осталась стоять.

- Если это по делу Коллинзов, меморандум уже подготов-лен.

- Дело не в Коллинзах. Джеймс подал заявление о разводе.

- Мой адвокат свяжется с его представителем.

- Разумеется. Но возникла еще одна сложность. Лидия со-общила комитету, что между вами, Джеймсом и ею суще-

ствуется личный конфликт, способный повлиять на работу отдела.

Анна почувствовала, как лицо стало холодным.

- Лидия сообщила комитету?

- Да.

- Как предусмотрительно.

- Анна...

- Женщина, которая спала с моим мужем, обеспокоена рабочей атмосферой. Это трогает до глубины души.

Уитмор поморщился.

- Я понимаю, что вам тяжело.

- Нет. Вы понимаете, что фирме неудобно.

Он не ответил.

Лидия была старшим партнером. Джеймс приводил крупных клиентов и приходился Уитмору дальним родственником. Анна была блестящим специалистом, но всем понятно, кем готовы пожертвовать в первую очередь.

- Вы хотите, чтобы я взяла отпуск, - сказала она.

- Я предлагаю вам подумать о себе. Две недели, возможно, месяц. Формально - отпуск по личным обстоятельствам.

- Как удачно. Я как раз получила вызов во Францию.

- Что-то серьезное?

Анна взяла сумку.

- Исчезновение, наследство и старый дом. Обычный набор.

Вернувшись в кабинет, она забронировала утренний поезд до Парижа, затем билет до Руана и оформила автомобиль напрокат.

Джеймс позвонил почти сразу. Она не ответила.

Пришло сообщение:

«Не делай глупостей. Нам нужно обсудить финансы».

Следом появилось второе:

«Удачи во Франции».

Анна неподвижно смотрела на экран.

О поездке знали только Клер и Уитмор. Тетка никогда не стала бы сообщать Джеймсу. Значит, Генри рассказал Лидии - или самому Джеймсу.

Всего несколько часов назад никакого наследства в жизни Анны не существовало. Теперь о нем уже мог знать человек, с которым ей предстояло делить имущество.

Она сохранила сообщения и выключила телефон.

Дома Анну встретила тишина.

Квартира в Челси, которую они с Джеймсом покупали как доказательство семейного успеха, теперь напоминала выставочный зал после закрытия. На стенах висели их фотографии из Венеции, Корнуолла и Лиссабона.

На одной Джеймс обнимал ее за плечи и смеялся в камеру.

Анна остановилась, пытаясь вспомнить, была ли она тогда счастлива или лишь хотела выглядеть счастливой.

Она сняла фотографию и положила ее лицом вниз.

Вещи поместились в один чемодан: два костюма, свитер, джинсы, белая рубашка, туфли, документы и ноутбук.

В боковой карман Анна положила старый серебряный медальон бабушки Колетт. Обычно она его не носила - слишком старомодно и сентиментально. Но сейчас почему-то захотела взять его с собой.

Внутри находились две миниатюрные фотографии. На одной была молодая Колетт. На другой - темноволосая женщина с прямым, почти вызывающим взглядом и насмешливым изгибом губ.

Элоиз.

- Что же с тобой случилось? - тихо спросила Анна.

Ночью она почти не спала.

Ей снился длинный коридор, лунный свет и детский плач. На стенах висели старые зеркала. В них отражение Анны словно запаздывало на полшага.

А еще в зеркалах появлялась женщина в темном платье.

Анна оборачивалась - коридор был пуст.

Но в зеркале женщина все еще стояла за ее плечом.

ГЛАВА 4

Анна проснулась с резким вскриком.

За окном шумел дождь. На часах было 03:17.

Она включила лампу, села, провела рукой по лицу и заставила себя рассмеяться. Один разговор с тетей - и воображение уже сочинило дешевую готическую историю.

На кухне Анна включила телефон.

Двенадцать пропущенных вызовов от Джеймса. Три - от Клер. И одно голосовое сообщение с неизвестного номера.

Сначала слышались ветер и помехи, а затем прозвучал старческий женский голос:

- Мадам Лоран...

Анна застыла, держа телефон у уха.

Голос продолжил:

- Если вы уже получили письмо, значит...

Пауза. Вдалеке что-то глухо ударило, будто закрылась дверь.

- Найдите ребенка, - прошептала женщина. - И не смотрите в зеркала после полуночи.

Запись оборвалась.

Анна прослушала ее еще два раза. В голосе было что-то знакомое, едва уловимый выговор, но она не могла вспомнить, где его слышала.

В 07:01 она уже сидела в поезде.

Лондон остался позади мокрым пятном стекла, стали и неотвеченных звонков. Анна смотрела, как город сменяется пригородами, поля - тоннелем, тоннель - серым французским утром. Она открыла ноутбук и попыталась работать, но слова расплывались перед глазами. Она захлопнула крышку ноута так резко, что сидящая напротив женщина вздрогнула.

В ушах звучала фраза:

«Найдите ребенка».

Какого ребенка?

У Элоиз не было детей. По крайней мере, в семейных документах их не было, это Анна проверила еще ночью. Ничего, кроме даты рождения и девичьей фамилии.

В Париже она пересела на поезд до Руана, а потом - на арендованную машину. Чем дальше она ехала, тем уже становились дороги и ниже небо. Нормандия встретила ее влажным воздухом, темными изгородями, полями, где белели коровы, и деревнями с каменными домами, похожими на стариков, которые слишком много видели, но слишком мало рассказывали.

Навигатор привел ее к железным воротам ближе к вечеру. Шато де Монтрей стояло за заросшим парком.

Анна остановила машину и вышла.

Она ожидала увидеть руины. Или, наоборот, шикарные виды, как с открытки. Но дом оказался чем-то средним и

потому гораздо более тревожным. Огромный серо-бежевый фасад, башенка с потемневшей крышей, высокие окна, некоторые из которых были закрыты ставнями. Плющ поднимался по стенам почти до второго этажа. На гравийной дорожке росла трава. Фонтан перед входом был сухим, а в каменной чаше скопились листья.

Дом выглядел заброшенным.

У ворот ее ждал высокий худощавый мужчина лет шестидесяти в темном пальто. Он держал над головой черный зонт, хотя дождь уже не моросил.

- Мадам Лоран?

- Да. Мэтр Валькур?

Они пожали друг другу руки.

- Благодарю, что приехали, - сказал нотариус. - Дорога прошла благополучно?

- За исключением странного сообщения.

На лице Валькура мелькнуло удивление.

- Какого сообщения?

Анна внимательно посмотрела на него.

- Значит, вы не имеете к этому отношения...

Он пожал плечами и открыл ворота старым ключом. Петли протяжно заскрипели.

Пока они шли к дому, Анна чувствовала, как каблуки проваливаются в мокрый гравий. Воздух пах землей, листьями и чем-то сладковатым, почти неуловимым.

- Здесь растет лаванда?

- В саду когда-то росла, - ответил Валькур. - Но не в это время года.

У входа их встретила маленькая пожилая женщина в сером платье и шерстяной кофте.

- Мари Лефевр, - представил ее нотариус. - Она следит за домом.

- За тем, что от него осталось, - поправила женщина.

Ее взгляд задержался на лице Анны.

- Вы похожи на нее.

- На Элоиз?

Мари не ответила. Только перекрестилась так быстро, что движение можно было принять за то, как будто она поправляет ворот кофты.

Внутри пахло пылью, воском и холодным камнем. Широкая лестница поднималась к галерее второго этажа. Над камином висел портрет мужчины с тяжелым подбородком и суровыми глазами.

Где-то наверху хлопнула дверь.

Мари вздрогнула, но тут же сказала:

- В восточном крыле плохо держатся рамы. Когда меняется ветер, сквозняк гуляет по служебным коридорам.

Объяснение было разумным. И все же она произнесла его слишком поспешно.

- Электричество работает не везде, - продолжил Валькур. - Восточное крыло до обследования лучше не посещать. Завтра должен приехать специалист по старинным зданиям и

коллекциям.

- Архитектор?

- Историк и антиквар. Адриен Мерсье. Он занимается оценкой усадебных собраний и восстановлением происхождения предметов.

- Вы пригласили оценщика до того, как я приняла наследство?

- Я пригласил его установить, что именно сохранилось. Это понадобится независимо от вашего решения.

- А зеркальная галерея?

Валькур резко обернулся.

Мари опустила глаза.

- Кто вам о ней сказал?

- Тетя Клэр.

Валькур обменялся с Мари коротким взглядом.

- Разумеется, - сказал он. - Семейная память избирательна, но упряма.

- А еще я бы хотела увидеть документы.

- Сейчас?

- Я приехала не ради экскурсии.

- Как скажете. У меня все с собой.

Он провел ее в библиотеку.

ГЛАВА 5

Если холл казался заброшенным, то библиотека была почти живой. На полках стояли книги в кожаных переплетах. Над столом горела лампа, в камине потрескивали дрова. На массивной столешнице лежали папки и архивные коробки.

Анна сняла пальто и села. Валькур разложил перед ней документы.

- Вот судебное решение. Опись имущества. Отчет администратора. Завещание от пятого сентября 1941 года.

Анна начала читать. Бумаги, печати и регистрационные записи принадлежали привычному ей миру.

Текст был коротким. Элоиз передавала имущество своему единственному сыну Люсьену Мерсье. Если он умрет до вступления в наследство, права переходили к его последней живой наследнице либо наследнику по прямой нисходящей линии.

На сегодняшний момент это была Анна.

Она подняла глаза.

- Значит, у нее был сын...

- О нем нет никаких сведений.

- Но Люсьеном Колетт назвала своего сына.

- Именно поэтому доказательство биологического родства имеет значение.

- В письме вы упомянули неполную архивную запись.

Валькур снял очки.

- В 2003 году по делу Элоиз де Монтрей было зарегистрировано дополнительное завещательное распоряжение.

Анна замерла.

- В 2003-м?

- Да.

- Через пятьдесят два года после ее исчезновения?

- Документ передала женщина, представившаяся Катрин Мерсье. Она предъявила удостоверение личности и нотариально заверенное заявление о том, что действует по поручению Элоиз де Монтрей.

- И где документ?

- Исчез из архива во время переноса дел в новое хранилище.

- Формально утерян?

- Формально.

- А неформально?

- Я полагаю, его забрали намеренно.

- Вы знаете содержание?

- Нет. На регистрационной карточке указано лишь, что распоряжение изменяет порядок наследования недвижимости и должно быть оглашено в присутствии названных получателей.

- Получателей во множественном числе?

- Да.

Анна отложила документ.

- Вы сообщили мне, что я наследую замок, хотя знали о существовании более позднего завещания.

- Я сообщил, что вы являетесь предполагаемой наследницей. Пока позднее распоряжение не найдено и его содержание не установлено, документ 1941 года остается единственным законным основанием.

- А если позднее завещание обнаружится?

- Тогда решающим может оказаться оно.

Сверху донесся тонкий скрип. Затем - почти неслышный шорох, похожий на шаги по деревянному полу.

Мари прошептала:

- Она не любит, когда трогают бумаги.

Анна повернулась к ней.

- Кто она?

Старуха поджала губы.

- Это старый дом, мадам...

Анна решительно встала и направилась к выходу.

- Где лестница?

- Мадам Лоран... - Начал Валькур.

- Если в доме кто-то есть, я хочу знать кто это. – перебила его Анна.

Она включила фонарик на телефоне и вышла в холл. Валькур последовал за ней, Мари - чуть поодаль.

На втором этаже тянулся длинный коридор. В конце виднелась арка, за которой тускло блестело стекло.

- Там зеркальная галерея? - спросила Анна.

Мари кивнула, и Анна вошла первой.

Комната была длинной и узкой. С одной стороны располагались окна, с другой - огромные зеркала в потемневших рамах. Амальгама местами отслоилась, превратив отражения в мутные пятна.

В одном из зеркал за ее плечом возник темный женский силуэт.

Она резко обернулась.

На противоположной стене, видимый через открытую арку, висел портрет женщины в черном платье. Из-за угла отражения изображение словно находилось внутри галереи.

Никакого призрака.

Только старое стекло, плохой свет и встревоженное изображение.

- Вот и моя женщина в зеркале, - сухо сказала Анна.

Мари вздрогнула, но промолчала.

Снова раздался стук. На этот раз рядом.

Валькур прошел до конца галереи и обнаружил неплотно закрытую служебную дверь. За ней находилась узкая лестница. Сквозняк раскачивал створку, и та ударялась о стену.

- По крайней мере, это объясняет странные звуки, - заметил он.

Анна почувствовала поток холодного воздуха и провела ладонью по деревянной панели под одним из зеркал.

- Здесь что-то есть.

В орнаменте рамы обнаружился маленький латунный вы-

ступ, и Анна нажала на него. Отчетливо прозвучал щелчок, и часть панели отъехала внутрь. За ней открылась узкая темная ниша.

Анна посветила внутрь, и Валькур шепотом выругался.

Там лежала жестяная коробка, перевязанная истлевшей синей лентой.

Анна достала коробку, и ее руки испачкались пылью. Крышка поддалась не сразу.

Когда коробка открылась, в воздух поднялся тот самый сладковатый аромат, который почудился Анне возле дома.

Внутри лежали дневник в потрескавшейся кожаной обложке, локон темных волос, перевязанный ниткой, и фотография.

Анна взяла в руки снимок. У окна стояла совсем молодая Элоиз в светлом платье, перехваченном узким ремешком. Волосы ее были гладко убраны назад. На руках она бережно держала младенца, закутанного в белоснежную ткань.

Анна дрожащими пальцами перевернула фотографию. На обороте изящным, каллиграфическим почерком было выведено: «Моему сыну».

Она перечитала надпись вслух, пытаясь удержать мысли, которые разбегались, как ртуть.

- Что? - спросил Валькур.

Анна подняла на него глаза.

- У нее все же был сын. - Голос прозвучал ровно, но пальцы сжимали снимок так, что побелели костяшки. - А если у

нее был сын, значит, у него могли быть дети. А если у них могли быть дети...

Она не договорила, Валькур и так все понял.

- Тогда вы, возможно, не единственная наследница, - закончил он.

Анна медленно опустила фотографию на стол.

- И кто-то знал об этом. Кто-то, кто спрятал дневник в тайник. И кто-то, кто забрал завещание 2003 года.

ГЛАВА 6

Они вернулись в библиотеку.

Валькур хотел немедленно заняться фотографией и копировкой: составить протокол обнаружения, вызвать фотографа и опечатать тайник. Но Анна настояла, чтобы дневник остался у нее.

- Это вещественное доказательство, - напомнил нотариус.
- Именно поэтому я не собираюсь выпускать его из виду.
- Хотя бы не прикасайтесь к страницам без перчаток.

Мари принесла пару тонких хлопчатобумажных перчаток и положила их на стол. Взгляд ее снова задержался на дневнике.

- Вы уже видели эту книгу? - спросила Анна.
- Нет.
- Но знали, что в галерее есть тайник.
- В старых домах всегда есть тайники, – пробормотала старуха и отвернулась.

Валькур посмотрел на часы.

- Уже поздно. Я должен связаться с секретарем суда и сообщить об обнаружении новых документов. До утра отсюда ничего не вынесут. Мадам Лефевр приготовит вам комнату в западном крыле.

- Хорошо, но пока я останусь здесь.
- Одна?

- Я двенадцать лет читаю документы, из-за которых родственники готовы уничтожить друг друга. Думаю, один старый дневник мне не повредит.

Мари тихо произнесла:

- Этой ночью дом не даст вам уснуть.

Анна посмотрела на нее.

- Опять сквозняки?

- Можно сказать и так...

Она вышла из библиотеки, унося коробку с фотографией и локоном, а Валькур задержался у двери.

- Не открывайте никому, - сказал он. - Главный вход я запру снаружи, но у Мари есть ключи. Если услышите шум, позвоните мне.

- Вы тоже верите, что в доме кто-то есть?

- Я верю, что найденные нами бумаги кто-то намеренно скрывал больше полувека. И не все могут обрадоваться вашему приезду.

- Наконец-то разумное объяснение.

- Разумные объяснения не всегда безопаснее мистических...

Дверь за ним закрылась, и Анна осталась одна.

Огонь в камине потрескивал, но воздух в библиотеке быстро остывал. За окнами сгущались сумерки. Ветер раскачивал ветви старого бука, и те скребли по стеклу ветками, похожими на длинные тонкие пальцы.

Анна надела перчатки и положила дневник перед собой.

Кожаная обложка растрескалась, углы были потерты. На первой странице стояли инициалы:

«Э. М. де М.»

Ниже другим почерком было написано:

«Если я не могу рассказать правду сама, пусть это сделает книга».

Анна перевернула страницу.

Первая запись была датирована 18 июня 1940 года.

«Сегодня отец велел закрыть ставни, хотя на улице еще было светло. Он утверждает, что теперь осторожность важнее достоинства.

Фашисты вошли в деревню утром. Их машины двигались по дороге одна за другой. Люди стояли у окон и не решались выйти. Только мадам Фурнье продолжала подметать ступени булочной, словно могла вымести их всех за ворота одной метлой.

Офицеры заняли мэрию. Несколько разместят в нашем доме.

Отец сказал, что нам повезло.

Я ответила, что везенье не приходит с оружием и не требует освободить для себя лучшие спальни.

Он ударил меня».

Анна задержала пальцы над страницей.

В 1940 году Элоиз было семнадцать.

На полях виднелось бурое пятно. Чернила рядом расплы-

лись, будто на бумагу упала вода.

Или слеза.

Следующая запись появилась через четыре дня.

«Этого мерзкого полковника зовут Фридрих Адлер. Он говорит по-французски лучше многих парижан и обращается с отцом так, будто делает ему одолжение, сидя за нашим столом.

Отец улыбается. Я никогда прежде не видела, чтобы он так улыбался человеку, которого боится.

В нем не осталось ничего от того человека, что учил меня держать спину прямо и не кланяться мерзавцам...

...Сегодня полковник подарил мне белые перчатки. Я не прикоснулась к ним. Отец сказал, что я должна быть любезнее, потому что хорошие отношения с новыми властями спасут Монтрей.

Адлер постоянно смотрит на меня, как кот на мышонка.

Колетт плакала. Я - нет.

Но когда я осталась одна, я прижала кулаки к губам и кусала их до крови, чтобы не завывать. Они не увидят моих слез. Ни одной.

Я сказала отцу, что скорее утоплюсь в Рисли, чем буду любезна с господином полковником.

Он запер меня в комнате».

За окном что-то ударило по стеклу.

Анна резко подняла голову.

На темном окне дрожало ее отражение. За ним смутно

виднелись деревья. Одну секунду Анне казалось, что рядом с ней отражается другая женщина - тонкая, темноволосая, в светлом платье.

Она обернулась.

В библиотеке никого не было.

Когда Анна снова посмотрела на окно, там отражалось только кресло.

Она поднялась, подошла к стеклу и провела пальцами по раме. Заперто. По наружной стороне окна медленно стекала дождевая вода.

- Дешевые готические истории, - напредила себе Анна.

Вернувшись к столу, она продолжила читать.

В августе почерк Элоиз изменился. Ровные девичьи строки стали теснее, резче. Некоторые имена были обозначены только инициалами.

«Меня начали выпускать. Отец уверен, что сломил меня. Пусть думает так.

Сегодня я отнесла корзину с продуктами вдове Бланше. Под хлебом лежали бинты и два флакона йода. Она не спросила, откуда я их взяла. Она только посмотрела мне в глаза - и я увидела в них то же, что вижу теперь в своем отражении: решимость. Мы не произнесли ни слова о войне. Мы говорили о погоде и о том, что розы в этом году цвели так долго. Но я знала, что она все поняла. И этого было достаточно

Вечером К. привела человека, которого назвала Ж.-Л. Он сказал, что в округе есть люди, готовые сопротивляться, но

им нужны лекарства, сведения и безопасные места.

Я показала ему старый проход между часовней и восточным крылом.

Он спросил, понимаю ли я, чем рискую.

Я ответила: впервые в жизни понимаю».

Анна перевернула страницу и взгляд ее зацепился за знакомую фамилию

ГЛАВА 7

Следующая запись была сделана торопливо, словно Элоиз боялась, что ее прервут.

«Ж.-Л. Мерсье руководит местной группой. До оккупации он преподавал историю в лицее Руана. Теперь живет под чужими документами, меняет ночлег каждые несколько дней и смеется так, будто смерти не существует.

Сегодня он пришел раненый.

Пуля прошла навывлет возле плеча. Я промыла рану и перевязала его. Он не издал ни звука, только все время смотрел на меня.

Потом спросил, почему у меня дрожат руки.

Я солгала, что боюсь крови.

Он самый лучший человек на свете».

Анна невольно посмотрела на локон, лежавший в коробке.

Мерсье.

Та же фамилия, что у женщины, передавшей дополнительное распоряжение в 2003 году.

Та же фамилия, что у историка, которого Валькур ожидал утром.

Это могло быть совпадением, ведь во Франции эта фамилия встречалась часто. Но в наследственных делах Анна давно не верила в случайности, возникающие рядом с утрачен-

ными завещаниями.

Она сделала пометку в своем блокноте и продолжила.

Записи становились все опаснее. Элоиз передавала сведения о передвижении военных машин, переписывала со стола отца письма, прятала беглецов в заброшенном фермерском доме и относила в церковь документы, которые затем переправляли дальше.

В дневнике несколько раз упоминался полковник Адлер. Он дарил Элоиз цветы, книги и духи. Отец заставлял ее сопровождать его на прогулках и повторял, что это защитит семью.

Элоиз использовала эти прогулки, чтобы запоминать имена, номера машин и содержание их разговоров.

«Адлер считает меня глупым ребенком. Это удобно.

Сегодня он сказал отцу, что через три дня по северной дороге пройдет колонна с горючим. Я передала эти сведения Жан-Люку.

Он пришел в ярость. Сказал, что я не должна так рисковать собой.

Мы поссорились.

Потом он поцеловал меня».

Анна едва заметно улыбнулась.

Следующая строчка была приписана более светлыми чернилами:

«Если завтра меня расстреляют, по крайней мере, сегодня я была счастлива».

Ветер снаружи усилился. Где-то в глубине дома протяжно застонали трубы.

Анна читала дальше.

К началу 1941 года Элоиз уже не пыталась скрывать в дневнике свои чувства.

«Жан-Люк говорит, что после войны мы уедем к морю. Он будет преподавать, а я - рисовать. У нас будет маленький уютный дом с видом на закат.

Я спросила, будет ли в доме библиотека.

Он ответил, что ради меня украдет все книги Монترея.

Мы рассмеялись, и я сказала, что в таком случае выйду за него.

Он перестал смеяться и поцеловал меня».

Между страницами лежал засохший цветок. Когда Анна коснулась его, один из хрупких лепестков рассыпался в серую пыль.

Запись от 16 апреля 1941 года начиналась словами:

«Сегодня мне исполнилось восемнадцать».

Далее почерк становился все менее ровным.

«Отец назначил дату моей помолвки с Адлером. Через две недели должно состояться официальное объявление.

Я сказала Жан-Люку, что не позволю отдать себя этому человеку.

Он ответил, что есть только один способ помешать отцу.

Сегодня ночью мы обвенчаемся, а через неделю сбежим».

Анна придвинула лампу ближе.

Несколько следующих страниц оказались исписаны совсем бледными чернилами.

«Церковь Сен-Мишель закрыта с начала оккупации. Часть крыши разрушена, витражи выбиты, но отец Бенуа сохранил ключ.

Нам надо было успеть до начала комендантского часа.

Свидетелями стали Пьер Лаваль и Софи Ренье. Все они состоят в группе Жан-Люка. Софи принесла мне ветку цветущей яблони вместо букета. Ее отец помог нам с регистрацией.

Перед алтарем горели свечи. Через разбитое окно задувал ветер. Я боялась, что пламя погаснет прежде, чем мы успеем произнести клятвы.

Но свечи продолжали гореть.

Жан-Люк надел мне на палец кольцо своей матери. Оно оказалось велико, и я сжала руку, чтобы не уронить его.

Отец Бенуа спросил, беру ли я этого человека в мужа.

Я сказала: да.

Впервые в жизни это слово принадлежало только мне

Сердце разрывается от счастья».

Анна перевернула страницу и обнаружила сложенный вчетверо лист.

Бумага была тонкой, почти прозрачной. На ней стояла печать муниципалитета Сен-Обена и подписи двух свидетелей. Текст подтверждал, что 12 ноября 1941 года Элоиз Маргерит де Монтрей и Жан-Люк Поль Мерсье заключили брак в при-

сутствии исполняющего обязанности мэра Огюста Ренье.

Ниже отец Бенуа удостоверял, что после гражданской церемонии супруги обвенчались в церкви Сен-Мишель.

Анна задержала дыхание.

Это уже были не просто романтические клятвы и не тайный обряд, не имевший юридической силы.

Это был официально зарегистрированный брак.

Подлинность документа еще предстояло проверить, но печать, подписи и форма выглядели убедительно.

Где-то в коридоре скрипнула половица.

Анна подняла голову.

Скрип повторился.

На этот раз ближе.

- Мари? - позвала она.

Никто не ответил.

Анна закрыла дневник и прислушалась. За дверью библиотеки раздался едва слышный шорох, словно кто-то провел ладонью по деревянной панели.

Она достала телефон и включила фонарик.

Дверь распахнулась от ее прикосновения, но коридор был пуст. Лампы на стенах не горели. В конце прохода темнела лестница, ведущая на второй этаж.

Сверху донесся сдавленный плач младенца.

Анна застыла.

Плач повторился, а затем внезапно оборвался.

Она поднялась на несколько ступеней.

- Здесь кто-нибудь есть?

Тишина.

Потом в глубине восточного крыла мелькнул свет. Будто за поворотом коридора кто-то прошел со свечой.

Анна сделала еще шаг.

Телефон в ее руке завибрировал так неожиданно, что она едва не выронила его.

Звонил Валькур.

- Мадам Лоран, все в порядке?

Анна не отрывала взгляда от темного коридора.

- Вы просили Мари проверить меня?

- Нет. Мадам Лефевр уехала со мной. Я высадил ее в деревне десять минут назад.

- Значит, в доме больше никого нет?

После короткой паузы нотариус ответил:

- Не должно быть.

Наверху хлопнула дверь.

Анна спустилась, вернулась в библиотеку и повернула ключ в замке, убеждая себя, что слышала ветер в дымоходе, или это старые трубы. В таких домах любой звук мог показаться не тем, чем он являлся на самом деле.

Дневник лежал раскрытым, и сквозняк переворачивал страницы.

Анна отчетливо помнила, что закрыла его.

Теперь страницы остановились на записи от 29 мая 1941 года.

«Жан-Люк погиб».

Всего два слова.

Анна села и заставила себя читать дальше.

«Нас предали.

Он пришел в Монтрей перед рассветом. Я ждала его в старом яблоневом саду. А потом увидела, как он идет между деревьями.

Он держался рукой за бок.

Я побежала к нему, но он упал в нескольких шагах от меня.

Крови было так много, что она казалась черной.

Я прижала ладони к ране и сказала, что доктор Морель уже едет. Я лгала. Никакой доктор не мог приехать. Дороги перекрыли.

Жан-Люк знал, что умирает.

Он попросил меня не плакать. Потом сказал, что нашел предателя и спрятал его имя там, где святая держит ягненка.

Я спросила, что мне делать.

Он ответил: “Живи”.

Я сказала, что не смогу жить без него.

Он улыбнулся и попросил повторить мое новое имя.

Элоиз Мерсье.

Я произнесла его трижды.

После третьего раза он перестал дышать».

Чернила внизу страницы расплылись. Несколько строк невозможно было разобрать.

Анна перевернула лист.

Следующая запись появилась почти через полтора месяца.

«Я жду его ребенка.

Отец пока не знает. Когда узнает, он будет в ярости. Для него имя Монтрей важнее жизни дочери.

Но у меня есть свидетельство о браке. И есть люди, которые видели нас у алтаря.

Мой ребенок будет носить фамилию своего отца - Жан-Люка Мерсье.

Если будет мальчик, я назову его Люсьеном».

В камине громко треснуло полено, и искры взметнулись вверх.

Анна закрыла дневник и посмотрела на свидетельство о браке.

Элоиз де Монтрей была замужем.

Ее сын не был тайным ребенком неизвестного мужчины. Он был законным сыном Жан-Люка Мерсье и имел право на фамилию отца.

А значит, фамилия женщины, передавшей завещание в 2003 году, вряд ли была случайностью.

Как и фамилия Адриена Мерсье.

С улицы внезапно донесся колокольный звон.

Анна медленно повернула голову к окну.

Кто-то в старой часовне ударил в колокол.

ГЛАВА 8

Анна проснулась от мужских голосов.

Несколько секунд она не понимала, где находится. Шея затекла, во рту пересохло, а правая рука онемела под тяжестью головы. В камине остались лишь серые угли. За высокими окнами занималось бледное дождливое утро.

Она уснула прямо в кресле.

На столе перед ней лежал закрытый дневник Элоиз, а рядом сложенное свидетельство о браке.

Анна сразу посмотрела на дверь.

Ключ по-прежнему торчал в замке с внутренней стороны.

Ночью она заперлась в библиотеке, чтобы никто не мог войти. И все же Анна слишком отчетливо помнила, что дневник сам раскрылся на записи о смерти Жан-Люка.

Возможно, она закрыла его недостаточно плотно. Старая кожа деформировалась, страницы разошлись под тяжестью переплета, а ей, измученной дорогой и недостатком сна, почудилось нечто необъяснимое.

Гораздо труднее было объяснить звон колокола.

Голоса в холле стали громче.

Один принадлежал Валькуру, второй был ниже и моложе.

Анна быстро сфотографировала свидетельство на телефон и убрала его обратно между страницами дневника. Сам дневник завернула в принесенную Мари ткань и положила в

свою сумку. Оставлять находку без присмотра она не собиралась.

В холле было непривычно светло. Валькур стоял у подножия лестницы и разговаривал с незнакомым мужчиной. В руках незнакомец держал раскрытый кожаный портфель, из которого выглядывали рулетка, увеличительное стекло и плотная папка.

Незнакомцу было около сорока. Высокий, стройный, в темно-сером пальто, под которым виднелся синий джемпер и воротник белой рубашки. Каштановые волосы были влажными после дождя. В одной руке он держал кожаные перчатки, а другой осторожно касался резного столика, словно определял возраст дерева по одному прикосновению.

Услышав шаги, он поднял голову.

В его лице не было правильной, безупречной красоты Джеймса. Нос чуть искривлен, вероятно, после давнего перелома. На подбородке белел едва заметный шрам. Но взгляд серо-зеленых глаз оказался удивительно внимательным.

На несколько секунд их взгляды встретились.

- Доброе утро, мадам Лоран, - произнес Валькур. - Надеюсь, вы смогли отдохнуть.

- Не вполне.

Нотариус уловил ее интонацию.

- Что-нибудь случилось?

- Смотря что вы считаете событием. Около трех часов ночи звонил колокол в часовне.

Адриен едва заметно нахмурился.

Валькур покосился на закрытую дверь часовни.

- Вы уверены?

- Я различаю звон колокола.

- Это невозможно, - сказал незнакомец.

Говорил он негромко, сдержанно, без желания привлечь к себе внимание. Однако в его тоне была такая уверенность, что Анна сразу повернулась к нему.

- Почему?

- Когда я осматривал часовню в прошлый раз, колокола там уже не было. Осталась только крепежная балка.

- Может быть, вы плохо осмотрели.

- Возможно.

Он не стал спорить, но по выражению его лица Анна поняла: в этом он не сомневался.

Валькур поспешил вмешаться:

- Мадам Лоран, позвольте представить месье Адриена Мерсье. Историка и специалиста по старинным усадебным собраниям. Я пригласил его провести предварительную оценку имущества Монترея.

Адриен протянул руку.

- Рад знакомству.

Его ладонь была теплой, а рукопожатие - коротким и уверенным.

- Анна Лоран.

- Очень приятно. Наслышан о вас.

Ответ прозвучал слишком быстро, поэтому Анна не отпустила его руку сразу.

- От мэтра Валькура?

- Разумеется.

Лишь после этого она разжала пальцы.

- Вы уже бывали в Монтрее?

- Несколько раз. Но в последний раз довольно давно.

- И хорошо знаете часовню?

На этот раз пауза была почти неуловимой.

- Достаточно, чтобы помнить отсутствие колокола.

Валькур поднял с пола портфель.

- Месье Мерсье работал над каталогом частных собраний Нормандии. В Монтрее сохранились предметы, которые никогда не были должным образом описаны.

- Я думала, существовала опись, - сказала Анна.

- Опись имущества не является искусствоведческим каталогом, - пояснил Адриен. - В ней может значиться «женский портрет в деревянной раме», но не будет указано ни имя художника, ни время создания, ни личность изображенной женщины. Иногда именно такие подробности меняют стоимость предмета в десятки раз.

- Или помогают доказать его происхождение?

Взгляд Адриена стал чуть внимательнее.

- Вы действительно занимаетесь наследственным правом.

- Вы в этом сомневались?

- Нет. Просто обычно наследники сначала спрашивают о

стоимости.

- Я пока не решила, наследница ли я.
- В любом случае, вы задаете правильные вопросы.

Где-то на втором этаже глухо хлопнула дверь.

Валькур посмотрел вверх, но Адриен даже не вздрогнул.

- Дверная задвижка, - сказал он.
- Мари говорила то же самое, - заметила Анна.
- Потому что она ломается не первый год.

Адриен снял пальто и аккуратно повесил его на спинку кресла. Его движения были спокойными и точными. Он не производил впечатления человека, которого можно легко вывести из равновесия.

Однако, когда его взгляд остановился на портрете Огюста де Монтрея над камином, лицо историка изменилось.

На мгновение в нем промелькнуло нечто похожее на неприязнь.

- Вы знали его? - спросила Анна.

Адриен перевел взгляд на нее.

- Он умер задолго до моего рождения.
- Это не ответ.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

- Вы всегда так разговариваете с людьми?
- Только когда они уклоняются от ответа.
- Я знаю Огюста де Монтрея по семейным воспоминаниям. Этого достаточно, чтобы не испытывать к нему симпатии.

- Семейным?

Валькур, до этого просматривавший бумаги, поднял голову.

Адриен подошел к портрету. Несколько секунд он рассматривал потемневшую табличку на раме.

- Моя бабушка служила в этом доме.

Анна почувствовала, как остатки сна мгновенно исчезли.

- Как ее звали?

Адриен посмотрел на нее через плечо.

- Катрин Мерсье.

То же имя значилось в регистрационной записи 2003 года.

Катрин Мерсье передала дополнительное завещательное распоряжение Элоиз, после чего документ исчез из нотариального архива.

- Когда она здесь служила?

- В конце сороковых и начале пятидесятых. Сначала помогала на кухне, потом ее повысили до горничной.

- Чьей?

Адриен снова повернулся к портрету.

- Чьих, не чьей. Она была горничной дочерей Огюста де Монтрея.

В холле стало очень тихо.

Даже Валькур перестал перебирать бумаги.

- Вы не сочли нужным упомянуть об этом раньше? - спросила Анна.

- Мы встретились всего две минуты назад.

- Я говорю не о нашей встрече. Вы не сообщили нотариусу, что ваша бабушка служила у женщины, чье имущество вас пригласили оценивать?

- Мэтр Валькур об этом знает.

Анна перевела взгляд на нотариуса.

Тот снял очки и начал протирать их платком.

- Месье Мерсье является одним из немногих специалистов, знакомых с историей собрания.

- Потому что его бабушка могла вынести отсюда часть документов?

- Анна, - предостерегающе произнес Валькур.

- Это разумный вопрос.

- Разумный, но не особенно вежливый, - заметил Адриен.

- Вежливость переоценивают, особенно в наследственных делах.

- А подозрительность?

- Она сохраняет имущество.

На лице Адриена на мгновение мелькнула смешинка.

- Моя бабушка ничего не крала, мадам Лоран.

- Я не употребляла этого слова.

- Но подумали именно об этом.

Анна не стала отрицать.

- В 2003 году женщина по имени Катрин Мерсье передала в нотариальную контору документ, составленный Элоиз.

Адриен замер.

На этот раз его сдержанность дала трещину. Пальцы чуть

сильнее сжали перчатки.

- С чего вы это взяли?
- Значит, это была ваша бабушка?
- Первый раз об этом слышу, если честно.
- Имя и фамилия совпадают.
- Катрин Мерсье - не самое редкое имя во Франции.
- Она была жива в 2003 году?
- Да.
- И знала Элоиз?
- Да.
- Тогда я повторю вопрос.

Адриен медленно положил перчатки на столик.

- Бабушка умерла два года назад. В последние месяцы она почти ни с кем не разговаривала и иногда не узнавала даже меня.

- Вы нашли среди ее вещей какие-нибудь документы?
- Нет.
- Письма Элоиз?
- Нет.
- Дневники?

Адриен посмотрел на сумку Анны.

Всего на секунду. Но этого хватило, и Анна невольно положила ладонь на застежку.

- Вы что-то ищете? - спросила она.
- Я смотрю на вашу сумку.
- Зачем?

- Потому что вы держитесь за нее так, словно там лежит государственная тайна.

- Вполне возможно, так оно и есть.

- Тогда я не стану больше ни о чем спрашивать.

Он произнес это спокойно, однако Анна не поверила, что любопытство его не мучает.

Адриен раскрыл папку. Внутри находились копии старых описей, фотографии интерьеров и планы усадьбы.

- Если позволите, я начну с портретной галереи. При дневном свете легче оценить состояние полотен.

- Я пойду с вами, - сказала Анна.

- Как пожелаете.

Они поднялись на второй этаж, а Валькур остался в холле, чтобы позвонить в контору.

Адриен двигался по дому без колебаний. Он не спрашивал дорогу и ни разу не сверился с планом. В восточном коридоре повернул направо, миновал закрытую дверь зеркальной галереи, прошел в другое крыло и остановился перед рядом семейных портретов.

Анна наблюдала за ним.

Он рассматривал не рамы и не состояние полотен. Его взгляд скользил по лицам, задерживаясь на каждом дольше, чем требовала обычная оценка.

Словно Адриен искал кого-то среди мертвых.

- Кого вы надеетесь здесь увидеть? - спросила она.

Он не обернулся.

- Почему вы решили, что я кого-то ищу?

- Вы почти не смотрите на подписи и повреждения. Только на лица.

- Иногда лицо сообщает больше подписи.

- Так чье лицо вам так нужно?

Адриен остановился перед двойным портретом двух девочек. Старшей было лет двенадцать, младшей - не больше семи. Обе стояли возле белой садовой скамьи. Старшая смотрела прямо на художника, упрямо вскинув подбородок. Младшая держала ее за руку.

- Ее, - тихо произнес Адриен.

Анна посмотрела на табличку и вздрогнула.

ГЛАВА 9

Внизу картины было написано:

«Элоиз и Колетт де Монтрей. 1935».

Он смотрел на Элоиз.

- Вы ведь знали, что портрет находится здесь.

- Я видел только его фотографию.

- Где?

- В бумагах бабушки.

- Вы сказали, что не нашли документов, связанных с Элоиз.

- Я сказал, что не нашел ее писем и дневников. Фотография портрета - не документ.

Анна скрестила руки на груди.

- У вас любопытное отношение к точности формулировок.

- Я историк. Формулировки - часть моей работы.

- И способ не сказать лишнего.

Адриен наконец посмотрел на нее.

- А вы, судя по всему, уже решили, что я лгу.

- Я решила только, что вы знаете больше, чем говорите.

- В этом мы похожи.

Его взгляд снова опустился на сумку.

Анна почувствовала раздражение, смешанное с невольным уважением. Адриен не оправдывался и не пытался оча-

ровать ее. Он лишь отмечал противоречия с той же холодной внимательностью, с какой это делала она сама.

Молодой человек перешел к следующему портрету, но вскоре остановился перед пустым участком стены. Обои здесь были заметно темнее, сохраняя прямоугольный след снятой картины.

Адриен провел пальцем по краю пятна.

- Здесь что-то висело.

- Очевидно.

- Большой портрет. Примерно метр двадцать на восемьдесят. Рама была тяжелой - видите дополнительные крепления?

- В описи он упоминается?

Адриен достал из папки копию пожелтевшего листа.

- В каталоге 1939 года указан портрет Элоиз в голубом платье работы Жана Варена. В описи 1952 года его уже нет.

- Его продали?

- Записей о продаже не сохранилось.

- Возможно, их уничтожили.

- Возможно.

Он отошел на шаг и посмотрел на пустое место.

- Бабушка рассказывала, что после исчезновения Элоиз отец приказал снять все ее портреты.

- Откуда она это знала?

- Видела, как двое слуг уносили картину в восточное крыло.

- В зеркальную галерею?

Адриен резко посмотрел на Анну.

- Вы там были?

- Вчера.

- Кто открыл вам дверь?

- Она не была заперта.

- Должна была быть.

- Почему?

- Там полы повреждены.

Анна почти улыбнулась.

- Именно так Мари объяснила предупреждение о зеркалах.

Адриен не поддержал улыбку.

- Какое предупреждение?

- Неважно.

- Если оно связано с галереей, то важно.

- Вы верите в семейное проклятие?

- Нет.

- В призраков?

- Нет.

- Тогда что вас тревожит?

Он помолчал.

- Моя бабушка отказывалась входить в эту комнату.

- Почему?

- Она не объясняла. Говорила только, что зеркала в Мон-трее показывают не тех, кто перед ними стоит.

Анна ощутила холодок, но заставила себя сохранить спокойствие.

- И вы, разумеется, считаете это старческим суеверием.

- Разумеется.

Ответ прозвучал неубедительно.

Из-за закрытой двери галереи донесся тихий скрежет, и Адриен мгновенно повернулся к ней. Скрежет повторился, словно кто-то медленно провел ногтем по стеклу.

Анна подошла ближе, но Адриен преградил ей путь.

- Не надо.

- Там может быть человек.

- Днем галерея освещается через восточные окна. Если бы внутри кто-то был, под дверью появилась бы тень.

Анна опустила глаза.

Полоска света у порога оставалась ровной.

Скрежет прекратился.

Адриен медленно убрал руку. Только теперь Анна заметила, что он стоял очень близко, и она даже ощущала запах его лосьона для бритья.

- Старые ветви касаются окон, - сказал он.

- В безветренную погоду?

За стеклами коридора неподвижно висели мокрые ветви.

- А у вас есть более убедительное объяснение?

- Пока нет, но это только пока.

Они вернулись в библиотеку.

Валькур уехал в Руан, пообещав вернуться к обеду. Ма-

ри оставила на столе кофе, джем, масло и круасаны, но сама нигде не показывалась.

Адриен снял со стены небольшую карту поместья и разложил ее рядом с планом дома.

- Семейный архив распределен между библиотекой и хранилищем в северной башне. Если документы не перемещали, там должны находиться счета, переписки, описи и книги регистрации слуг.

- Мне нужны записи за период с 1940 по 1952 год.

- Почему именно эти даты?

- В этот период исчезла Элоиз.

- Она исчезла в 1951-м.

- События, которые к этому привели, начались раньше.

Адриен взглянул на ее сумку.

- Вы нашли что-то в галерее.

Это не было вопросом.

Анна налила себе кофе.

- Почему вы так решили?

- Вчера мэтр Валькур сообщил лишь, что обнаружена фотография. Сегодня вы держите при себе тяжелую сумку, интересуетесь семейными записями определенного периода и знаете имя моей бабушки из регистрационной карточки 2003 года. Значит, фотографией находка не ограничивается.

- Вы наблюдательны.

- Это часть моей работы.

- Как и уклончивые формулировки?

- Иногда.

Он придвинул к ней план башни.

- Я могу помочь разобрать архив. Вы быстрее меня оцените юридическое значение документов. Я лучше ориентируюсь в старых каталогах, почерках и системах хранения.

- А если вы ищете возможность уничтожить то, что не успела забрать ваша бабушка?

Адриен выдержал ее взгляд.

- Тогда вам разумнее держаться со мной рядом, а не позволять бродить по дому одному.

Анна не ожидала такого ответа.

- Вы всегда предлагаете подозревающим вас людям сотрудничество?

- Только когда они мне нужны.

- Для чего?

- Чтобы выяснить, что произошло с Элоиз.

Он произнес ее имя без фамилии, почти по-дружески.

- Почему ее судьба так важна для вас?

На лице Адриена появилось знакомое закрытое выражение.

- Бабушка боялась этого дома до самой смерти. Я хочу понять почему.

Это была правда. Не вся, но правда.

Анна протянула ему одну из архивных коробок.

- Хорошо. Начнем с книг регистрации слуг. Но документы не покидают библиотеку, и вы ничего не фотографируете без

моего разрешения.

- Вы устанавливаете правила в доме, который вам даже не принадлежит?

- У вас есть возражения?

- Ни одного.

Их пальцы встретились на крышке коробки. Прикосновение длилось всего мгновение, но Анна почувствовала, как по запястью пробежал электрический разряд. Она резко отдернула руку, словно обожглась, и подняла на него глаза. Адриен смотрел на нее с прищуром, и в этом взгляде читалось не просто профессиональное любопытство. Там было что-то более темное, более опасное, что заставило ее сердце биться быстрее, чем того требовала ситуация.

«Контролируй себя, - приказала она себе, чувствуя, как зарделись ее щеки. - Он может быть союзником, но он мужчина... А мужчины часто лгут, тебе ли не знать».

Адриен опустил взгляд на бумаги, словно ничего не произошло. Они сели по разные стороны стола.

Через несколько минут библиотеку наполнили лишь шорох страниц и тихое потрескивание дров. Адриен работал сосредоточенно, бережно расправляя ломкие листы. Он не торопил ее, не задавал ненужных вопросов и безошибочно разбирал самый неразборчивый почерк.

Рядом с ним молчание не казалось тяжелым.

Анна поймала себя на странной мысли, что это человек начинает у нее вызывать симпатию.

Не настолько, чтобы показать дневник или свидетельство о браке. Но достаточно, чтобы сидеть к нему спиной, пока он ищет нужную папку на полке.

После Джеймса даже это казалось почти безрассудством. Анна обернулась.

Адриен читал старую книгу учета, нахмутив брови. Он почувствовал ее взгляд и поднял глаза.

- Что?

- Ничего.

Она вернулась к полке.

В памяти отчетливо прозвучал голос Клер:

«Не верь никому, кто заявит, будто действует ради защиты доброго имени семьи».

А затем еще тише:

«Возможно, включая меня».

Анна сжала корешок папки. Адриен Мерсье пока не сказал ни слова о добром имени Монтрей.

Но он определенно что-то скрывал.

ГЛАВА 10

Валькур вернулся к обеду, но пробыл в замке недолго. Он просмотрел несколько найденных записей, поговорил с Адриеном и сразу уехал.

Адриен задержался до семи. За несколько часов они успели разобрать только две коробки. Большую часть их содержимого составляли счета, старые расписки и книги хозяйственных расходов. Имя Элоиз встречалось всего трижды: в квитанции от портнихи, в списке гостей на рождественском ужине и в счете за ремонт автомобиля.

Ничего, что могло бы объяснить ее исчезновение.

Перед уходом Адриен аккуратно сложил документы и накрыл коробки крышками.

- Завтра я хотел бы проверить хранилище в северной башне.

- Если Валькур разрешит.

- А если не разрешит?

- Тогда вам придется проявить уважение к чужой собственности.

- Даже если эта собственность скоро станет вашей?

Анна подняла на него глаза.

- Особенно в этом случае.

Уголок его рта дрогнул.

- В десять?

- В половине десятого.
- А вы любите устанавливать правила...
- А еще люблю, когда их соблюдают.
- До завтра, мадам Лоран.

Он надел пальто и вышел. Анна смотрела из окна библиотеки, как его автомобиль медленно движется по подъездной аллее. На повороте красные огни на мгновение вспыхнули между деревьями, а затем исчезли.

После его отъезда шато словно стало больше. И тише.

За ужином Мари почти не разговаривала. На вопросы отвечала коротко, избегая смотреть Анне в глаза. Когда Анна упомянула скрежет за дверью галереи, пальцы экономки замерли на кофейнике. Всего на секунду.

- Это старый дом, - сказала она. - Здесь всегда что-нибудь скрипит.

- Адриен считает, что это ветви касаются окон.
- Возможно.
- В безветренную погоду?

Мари поставила кофейник на стол.

- Месье Мерсье лучше знать.
- Почему?
- Его бабушка долго здесь служила.
- Поэтому он знает дом лучше вас?

На этот раз Мари посмотрела прямо на нее.

- Никто не знает этот дом до конца.

Она собрала тарелки и ушла на кухню.

Анна осталась одна.

Около одиннадцати она поднялась в спальню, заперла дверь и положила дневник Элоиз в ящик ночного столика. Свидетельство о браке она спрятала под одеждой в чемодане, а фотографию оставила в сумке.

Ей казалось, что она предусмотрела все.

Однако сон не приходил.

Дождь прекратился, и за окнами стояла густая неподвижная темнота. Время от времени с крыши падали тяжелые капли, ударялись о подоконник и стекали по стеклу.

Анна лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к звукам в доме.

Сначала она слышала только тиканье часов. Потом где-то в стене зашуршала мышь. В коридоре едва заметно скрипнула половица, словно дерево остывало после дневного тепла.

Анна перевернулась на другой бок.

Часы показывали два часа семнадцать минут.

Она закрыла глаза и попыталась думать о чем-нибудь обыденном: о лондонской квартире, о неотвеченных письмах, о документах, которые следовало переслать адвокату.

Вдруг наверху раздались шаги.

Затем три медленных удара.

Пауза.

Еще два.

Анна открыла глаза.

Над ее спальней находился третий этаж. По словам Ма-

ри, комнаты там не использовались много лет. Часть крыши протекала, и лестница в этом крыле была перекрыта.

Шаги повторились.

Кто-то прошел прямо над кроватью.

Анна села. Холодный воздух коснулся плеч, хотя окна были закрыты.

Она прислушалась.

Шаг.

Еще один.

Затем раздался короткий скрип, похожий на звук открывшейся двери.

Анна включила лампу и взяла телефон. Связь была слабой, но одно деление сети все же появилось. Она могла позвонить Мари, разбудить ее и потребовать объяснений.

Вместо этого Анна надела халат, сунула ноги в туфли и открыла ящик ночного столика.

Фонарика там не оказалось.

Она вспомнила, что оставила его в сумке, а сумку - на кресле у окна. Достав фонарик, Анна несколько секунд стояла перед дверью.

«Не верь никому».

Предупреждение Клер снова прозвучало в памяти.

Анна повернула ключ.

Коридор был пуст.

Ночные лампы горели только у лестницы, оставляя дальние участки этажа в полумраке. Обои казались серыми, а ли-

ца на портретах - бесцветными и настороженными.

Анна вышла и заперла дверь снаружи.

Шагов больше не было.

Она дошла до главной лестницы и посмотрела вверх. Проход на третий этаж терялся во мраке. Поперек ступеней действительно была натянута веревка с табличкой на французском и английском языках: «Опасно. Проход закрыт».

Веревка не была снята.

Пыль на верхних ступенях казалась нетронутой.

Анна посветила туда фонариком, но луч растворился в темноте.

Тогда из восточного крыла донесся тихий скрежет.

Тот же звук, который они слышали днем.

Анна повернулась.

Скрежет повторился.

Теперь он больше напоминал не ветку, царапающую стекло, а медленное движение тяжелого предмета по полу.

Она направилась к зеркальной галерее.

Чем дальше Анна уходила от лестницы, тем холоднее становился воздух. В восточном коридоре не горело ни одной лампы. Свет фонарика скользил по закрытым дверям, старым гобеленам и пустым постаментам.

Дверь галереи оказалась приоткрыта.

Анна остановилась.

Днем Адриен был уверен, что она должна быть заперта. После их разговора он лично проверил замок. Анна помни-

ла, как он повернул ключ и дважды потянул дверь на себя.

Теперь между дверью и косяком оставалась узкая черная щель.

Она коснулась ручки.

Металл был ледяным.

- Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало, и Анна толкнула дверь.

Галерея встретила ее холодом и тусклым лунным светом. Облака разошлись, и через высокие восточные окна на пол лежали бледные прямоугольники. Мокрые ветви за стеклами не двигались.

Зеркала тянулись вдоль противоположной стены. В их глубине повторялись окна, колонны и уходящая вдаль вереница отражений.

Анна сделала несколько шагов вперед и остановилась.

Ей сразу показалось, что здесь что-то изменилось.

Она медленно провела лучом фонарика по стене. Первое зеркало висело ровно. Второе тоже. Третье было наклонено вперед, словно крепление ослабло. Четвертое оказалось слегка повернуто к окну.

Совсем немного - на несколько сантиметров.

Анна остановилась перед ним.

Днем зеркало располагалось параллельно стене. Она была почти уверена в этом. Тогда они с Адриеном проходили здесь, и он обратил ее внимание на герб, вырезанный на верхней части рамы.

Теперь правая сторона рамы заметно выступала.

Анна коснулась ее пальцами. Зеркало едва слышно скрипнуло и качнулось.

«Наверное, ветер», - подумала она.

Но окна были закрыты. В галерее стоял неподвижный, затхлый воздух.

Анна направила свет на крепление. В верхней части рамы блеснула металлическая петля, а за ней виднелась узкая щель. Кто-то переделал старый подвес так, чтобы зеркало могло поворачиваться.

Она хотела рассмотреть механизм внимательнее, но в этот момент в глубине отражения что-то шевельнулось.

Анна замерла.

Между двумя колоннами стояла женщина.

ГЛАВА 11

Женщина была высокая, худая, и в длинном светлом платье.

Ее лицо скрывала тень, а распущенные волосы падали на плечи. Она находилась у дальнего окна и смотрела прямо на Анну.

Фонарик дрогнул в ее руке.

- Кто вы?

Силуэт не ответил.

Анна резко обернулась, но у окна никого не было. Только пустая галерея, лунный свет и неподвижные занавески.

Она снова посмотрела в зеркало.

Женщина оставалась там.

Теперь ее голова была чуть склонена набок.

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Она отступила, но заставила себя остановиться.

Отражение не соответствовало тому, что находилось за ее спиной.

Значит, это было не отражение.

Анна подняла фонарик и направила луч прямо на женский силуэт. Изображение побледнело, задрожало и исчезло.

В ту же секунду за стеной что-то щелкнуло.

Зеркало повернулось на несколько градусов, и откуда-то из-под рамы донесся негромкий металлический скр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.